

Марина
СЕРОВА

По законам гламура

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина С. Серова
По законам гламура
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179847

По законам гламура: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-34146-7

Аннотация

Частный детектив Татьяна Иванова взялась за расследование странного дела – кто-то решил сорвать конкурс молодых исполнителей города. Злоумышленник методично избавляется от участников. Не убивает, нет. Просто лишает их возможности бороться за победу. Что это: чья-то шалость или интриги завистников? Почему талантливым певцам мешают заявить о себе? Да... в шоу-бизнесе подчас случается и не такое. Могут даже убить. Пока дело не обернулось серьезными неприятностями, Татьяне нужно спешить. К счастью, она понимает: артисты такие же люди. И у них, как и у всех, имеются свои слабости. А главное правило Ивановой: хочешь найти преступника – ищи его слабое место – всегда работает безотказно!..

Содержание

Среда	4
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Марина Серова

По законам гламура

Среда

«Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно», а если в моей квартире звонит телефон, то это тоже кому-нибудь нужно. Точнее, не «это», а услуги частного детектива – Татьяны Александровны Ивановой, двадцатисемилетней незамужней молодой женщины, натуральной блондинки с идеальной фигурой и с высшим юридическим образованием. Характер у меня... Да, так себе характер! Разной я бываю! Своим главным достоинством я считаю лютую ненависть ко всяким негодяям, которые мешают нормальным людям спокойно жить. Это и подвигло меня когда-то заняться частным сыском. А недостатком? Наверное, то, что я в невероятных количествах поглощаю кофе (причем только натуральный – растворимый не буду пить никогда, а лучше перейду на чай) и много курю, в чем и каюсь. Грешна!

Вот и в этот раз все началось с телефонного звонка. Я с сомнением посмотрела на аппарат и вздохнула – трубку брать мне категорически не хотелось! Однако последнее мое дело оказалось не только муторным, но и не слишком денежным, и с финансами было туго.

– Будем брать! – решительно сказала я, поднимая трубку, и ответила: – Слушаю!

– Это Татьяна Александровна Иванова? – услышала я мужской голос с характерным кавказским акцентом.

«Что-то мне в последнее время на южан везет! Сначала в Сухуми, теперь здесь!» – подумала я и ответила:

– Если вам нужен частный детектив с таким именем, то это я.

– Здравствуйте, уважаемая! – приветствовал меня мужчина. – Вас беспокоит хозяин гостиницы «Турист» Тумасян. Мне вас очень хорошие люди рекомендовали.

– У вас возникла какая-то проблема? – поинтересовалась я.

– Да, уважаемая! И не у меня одного! – ответил Тумасян. – Только не совсем удобно говорить по телефону о ней.

– Я вас понимаю, – согласилась я. – Где бы вы хотели встретиться? Если вы не против, предлагаю приехать ко мне.

– Хорошо, уважаемая! Только я не один приеду.

– Ничего страшного! – успокоила я его и спросила: – Адрес знаете?

– Знаю, уважаемая! Мы у вас через полчаса будем! – пообещал он.

– Жду! – кратко ответила я и положила трубку.

«Раз приедет не один, значит, дело пойдет не о супружеской измене или слежке за любовницей, – подумала я. – Ладно! Не буду гадать! Ждать все равно недолго осталось!»

Через полчаса в дверь позвонили, я открыла и в первый момент остолбенела – лестничная площадка была забита людьми, я никак не ожидала, что Тумасян придет с такой компанией. Быстро справившись с собой, я пригласила клиентов проходить в квартиру, что они и сделали, попутно вручив мне свои визитки.

«Тьфу ты, пропасть! Какие люди собрались у меня сегодня! Описать нельзя, какие люди! Прекрасные! И все как на подбор значительные, вальяжные, холеные! Один краше другого! Взять хотя бы директора молкомбината Дубова! Ну, прелесть что за человек! А то, что его на каждом углу обыватели на все корки кроют за отвратительное качество, но несусветные цены на свою продукцию, так это поклеп! Не верьте! А директор кондитерской фабрики Щукин! Душа-человек! И вид у него такой же приторно-сладкий, как и у его конфет! Правда, редко кто их покупает, но не стоит обращать на это внимания – привередничают люди! Заелись! Попробовали столичных шоколадок, вот нос и воротят! А управляющий хлебокомбинатом Шишкин! Это же!.. Господи ты боже мой! Это даже не человек, а человечие! Души неохватной! Еще шире, чем его талия! А уж о Самсонове, владельце ликеро-водочного завода, не то что говорить, петь надо! И собой хорош! И умен! Говорят, правда, что у него два цеха вне завода одну только левую продукцию выпускают, от которой люди потом сильно болеют, но лично я не верю! А вот

про генерального директора мясокомбината Сергеева никто плохого слова никогда не скажет! А если скажет, то пусть язык у него отсохнет! Не колбаса у него, а объединение! И цена невысокая! Многие люди ее покупают да нахваливают! Собаки с кошками вот только есть не хотят, да кто их спрашивает? Не нравится вам колбаска, так голубей с крысами да мышами ловите и ешьте натуральный продукт! А Тумасян? Ну что Тумасян! И солиден! И сед! И нос крючком! Сразу видно – очень решительный мужчина! А что в гостинице у него никто жить не хочет, так это не важно! Он все равно не бедствует, потому что торговлей еще занят! А это кто? Со всем незнакомый мужчина, но сразу видно – человек непростой! Недаром у него на визитке написано: „Леонид Светлов, арт-менеджер“. Слово-то какое незнакомое! А нам ведь чем непонятнее, тем и интереснее! А ну как это профессия какая-нибудь такая секретная, что ее и простым словом назвать-то нельзя! Правда, арт-менеджер внешнестью не вышел и ростом невысок, седоват и лысоват, так разве же это для мужчины беда? Это для женщины горе горькое, а ему – пустяк, потому как и на него охотница найдется! Да, славные люди собрались сейчас в одном месте! И речи, наверное, будут вести умные и значительные! Ну, а мы послушаем да, может, ума наберемся!»

Размышляя вот так в манере Гоголя, я наблюдала за гостями. Когда все устроились, я спросила:

– Что же вас привело ко мне, господа?

Мужчины переглянулись, а потом Тумасян откашлялся и приступил к делу:

– Татьяна Александровна! Я уже говорил вам, что мы все попали в довольно неловкое положение...

– В полной заднице мы оказались! – перебил его Сергеев.

– Ну, я не был бы столь категоричен, – возразил Дубов. – В конце концов, все случившееся пока еще не получило огласки, и мы...

– А что будет, когда получит? – ехидно спросил Самсонов. – Или вы считаете, что на этом дело кончится?

– Простите, – перебила я их. – Но не могли бы вы перейти непосредственно к делу!

– Куда мы денемся? – вздохнул Самсонов. – Для того и пришли!

– Ну, тогда попрошу вас рассказать мне, что же все-таки случилось, а то вы меня окончательно заинтриговали, – попросила я.

– Вы местной культурной жизнью интересуетесь? – спросил меня Сергеев.

– К сожалению, нет. Я больше по криминальной части, – ответила я.

– Ну, тогда слушайте, – устроившись поудобнее, сказал Тумасян и начал: – Видите ли, Татьяна Александровна, по всем центральным каналам в последнее время транслируют различные конкурсы по поиску талантов. Уж это-то вы наверняка знаете!

– Натыкалась неоднократно, – подтвердила я.

– Так вот, наш губернатор...

– Дай бог ему здоровья! – зло процедил Шишкин.

– Ну, зачем вы так? – укоризненно сказал Тумасян. – Любая власть от бога, и ее нужно уважать.

– Особенно когда нет никакой возможности ее сменить! – огрызнулся Сергеев.

– Господа! – устало попросила я. – Вы не могли бы все-таки говорить по делу!

– Я и пытаюсь, – неодобрительно покосившись в сторону Самсонова с Сергеевым, сказал Тумасян. – Короче! Наш губернатор решил провести у нас что-то аналогичное, назвал это «Молодые голоса Тарасова», и мы стали спонсорами этого конкурса, а заодно и членами оргкомитета.

– Я его председатель, – пояснил Дубов.

– Как я понимаю, добровольно-принудительно, – кивнула я.

– Да, губернатор нас об этом очень настойчиво попросил, а ему не откажешь, – подтвердил Щукин.

– И на призовой фонд мы скинулись, – добавил Сергеев.

– И каков же он? – с интересом спросила я.

– Пятьсот тысяч рублей, – хмуро сказал Дубов. – Словно у нас денег куры не клюют и больше их тратить не на что.

– Плохой мир всегда лучше доброй ссоры, – невесело заметил Тумасян. – А уж с губернатором тем более!

– Ладно! Не пообедем, – подвел черту под этим разго-

вором Щукин и стал рассказывать дальше: – Пока местные смотры проводились по районам, нас это мало касалось. А вот когда были отобраны десять лучших участников, которые приехали сюда, пришла наша очередь. Причем не только наша, но и Гаврилова – это магазины одежды и обуви, – пояснил он. – А еще Краснова, владельца салона красоты «Венера». Но их, счастливиц, эти неприятности не касаются, так что они к вам не пришли.

– Итак, – потеряв терпение, сказала я, потому что уже кое-что поняла. – Вы все вложили в этот конкурс деньги, разместили свою рекламу и начали поставлять для конкурсантов продукты, из-за которых и начались все неприятности. Так? Потому-то здесь и нет Гаврилова с Красновым, что они к продуктам питания никаким образом не относятся. Или я не права?

– К сожалению, правы, – невесело согласился Дубов и повернулся к остальным: – Дайте уж мне рассказать все от начала до конца!

– Да говори! Кто тебе мешает, – отмахнулся Шишкин.

– Вы все верно сказали, – начал Дубов. – Эти десять человек, пять парней и пять девушек, приехали в Тарасов, разместились в «Туристе» и начали репетировать. Сам смотр происходит в оперном театре.

– Надеюсь, что хоть его администрации расходы как-то возместили, – сказала я. – А то этот очаг культуры скоро окончательно потухнет.

– Не в курсе, – ответил Дубов и собрался продолжать, но тут его перебил Леонид Светлов:

– Простите, господа, но, наверное, сейчас лучше мне все рассказать, потому что в этой стороне дела я разбираюсь лучше вас.

– Не возражаем, – дружно ответили все, и Светлов начал рассказывать:

– Репетиции, как уже сказал господин Дубов, действительно проходят в конференц-зале гостиницы под руководством преподавателей консерватории и хореографического училища.

– От их воя и топота у меня скоро последние гости разбегутся, – зло бросил Тумасян.

– Потерпи, – сочувственно сказал Щукин. – Уже недолго осталось!

– Если так и дальше пойдет, – хмуро встрял Сергеев, – то действительно ждать недолго.

Светлов с обреченным видом вздохнул и возвел очи горе, а когда перепалка закончилась, сказал:

– Правда, вот подготовка самих преподавателей... – и покачал головой с кислым выражением лица.

– Наша консерватория одна из старейших в России, – гневно заметил на это Самсонов.

– Пардон! – иронично сказал Светлов и коротко поклонился в его сторону. – Не учел провинциальный патриотизм! Больше не повторится! – и продолжил: – Туры проводятся в

театре и, как ни странно, собирают довольно много зрителей. Или с развлечениями в Тарасове не густо, или молодежь стогнают туда, как вы изволили выразиться, — он чуть поклонился в мою сторону, — добровольно-принудительно. Но дело не в этом, — торопливо сказал он, предваряя очередной взрыв гнева со стороны собравшихся. — Каждому зрителю при входе выдается листок бумаги с напечатанными на нем фамилиями участников, чтобы люди могли отметить того конкурсанта, которому они отдают свой голос, а потом бросить этот листок в расставленные в фойе урны. Вероятно, те, что используются на выборах. Примитив, конечно, — вздохнул он, — но... Что делать?!

— А кто считает голоса? — спросила я.

— Жюри, — ответил он.

— Я могу узнать его состав? — поинтересовалась я.

— С нашей стороны Роман Либерман, ректор консерватории, и Елкин с Толстовым, — назвал Самсонов имена местных композитора и поэта. — Там в одном из туров их песни пели, так они чуть от гордости не лопнули! Сидели с таким важным видом! Как у какающего кота!

С трудом сдержав улыбку, я спросила:

— А еще кто?

— Из Москвы приехала Тамара Переплюева, — начал было Светлов.

Я переспросила:

— Кто-кто?

– Ну, Сереброва, – пояснил он. – Русские песни и романсы. Сереброва ее псевдоним. В шоу-бизнесе это обычное дело!

– А-а-а! Слышала о такой, – сказала я, вспомнив эту уже немолодую певицу с действительно сильным и красивым голосом. – Тогда надо понимать, что и Леонид Светлов – это не настоящее ваше имя?

– Творческий псевдоним, – отмахнулся он.

– А как настоящее? – старательно скрывая усмешку, спросила я.

– А зачем это вам? – удивился он.

– Из простого обывательского любопытства, – объяснила я. – Впрочем, можете не отвечать. Я ведь, если захочу, его все равно узнаю – в гостинице же вы по паспорту регистрировались, а не по визитке.

– Да бога ради, Лазарь Лихт, – сказал он и внимательно посмотрел на меня большими карими глазами. – Для вас это что-то меняет?

– Извините! – смутилась я.

– Видите ли, Татьяна Александровна, я начинал свою работу тогда, когда пятую графу еще не отменили, и просто перевел свое имя на русский язык, – объяснил он.

– Извините! – еще раз сказала я и спросила, возвращаясь к теме нашей беседы: – Ну, а кто еще в жюри?

– Глаха! – поморщившись, ответил Светлов.

– Какая Глаха? – обомлела я. – Та самая?

– Та самая! – кивнул он.

– Да ее же фанаты стадионы в клочья разносят! – воскликнула я. – Молодежь же от нее с ума сходит! Какому же гению в голову пришло ее сюда пригласить?

– Да уж! Наташка, она такая! Наталья Федорова она по паспорту, – рассмеялся Светлов и объяснил: – Мне Сережка, ее продюсер, позвонил. Как узнал, что меня сюда для организации этого конкурса пригласили, тут же попросил включить ее в жюри. Она ведь только что из больницы – опять от своей наркозависимости лечилась. Вот Сережка и подумал, что ей, чтобы окончательно в себя прийти, нужно подальше от Москвы держаться. Да у нее в охране аж три человека! Проследят, чтобы она опять не сорвалась!

– А у меня от этой Глахи сплошная головная боль! – окрысился Тумасян.

– Скандалы закатывает? – сочувственно спросила я. – Она же славится тем, что, чуть чего не по ее хотению, не по ее велению, так тут же начинает ругаться, как извозчик, посуду бить, а то и в драку лезет.

– Да нет! – отмахнулся он. – Она-то тихо себя ведет, из номера даже в ресторан не выходит – там ест, на репетициях не бывает, а в театр ее машина возит.

– Так в чем же дело? – удивилась я.

– А в тех придурках, которые днем и ночью возле гостиницы толкуются и ее имя скандируют! – зло объяснил он. – А она выйдет на балкон, помашет им рукой и снова уходит.

И откуда только у этих лоботрясов столько сил и времени берется? Ведь круглые сутки там торчат! Я попытался было к Глахе зайти и попросить, чтобы она к этим охламонам вышла и автографы, что ли, раздала! Может, тогда успокоятся и разойдутся! Да куда там! Мне какой-то мужик дверь открыл и дальше порога не пустил – отдыхает, говорит, Глаха!

– Ясно! – сказала я и попросила: – Ну, давайте уж ближе в делу! Что же у вас все-таки случилось?

– Понимаете, Танечка!.. – начал было Светлов и вопросительно посмотрел на меня: – Или Татьяна Александровна?

– Можете называть меня Таней, – согласилась я, решив, что он мне по возрасту в отцы годится, так что сойдет.

– Спасибо! – кивнул он и продолжил: – Так вот, первые три тура прошли без сюрпризов, то есть отсеялись три девушки.

– Ну, это дело понятное! – усмехнулась я. – На такие мероприятия ходят в основном девчонки, а женская дружба – вещь всем давно и хорошо известная, и замешена она, за редчайшим исключением, на зависти. Вот каждая девушка и думает: «А почему это именно она стоит на сцене, а я, хоть ничем и не хуже, сижу в зале? Я вполне могла бы быть на ее месте!» И, движимая этим благородным чувством, отдает свой голос, как правило, понравившемуся ей парню.

– Верно мыслите! – с интересом глядя на меня, согласился Светлов.

– Вот именно, что из одной зависти! – выпалил Дубов. –

Светлана была очень милая девушка и очень способная!

– Да и Татьяна была не хуже! – поддержал его Самсонов. – Все при ней! И голос, и фигура! Потому-то первой и выбыла!

– Не спорьте! – попросил Сергеев. – Самой лучшей была Лариса!

«Ну, с вами все ясно! – подумала я. – Быть у источника и не напиться? Да никогда в жизни эти дельцы бы своего не упустили! Наверное, пообещали девчонкам свою поддержку, получили за это, что хотели, а вышло вон как!»

– А нельзя было как-то подправить результаты голосования? Ведь давно известно, что важно не то, как голосуют, а то, как считают.

Мужчины переглянулись, а потом Сергеев сказал:

– Пробовал я с Серебровой – она председатель жюри – договориться, а она уперлась! Принципиальная, видите ли! Сказала: «Я сама в жизни всего добилась, никто меня наверх не тащил, лесенку не подставлял и ковер под ноги не стелил. Пусть и они сами всего добиваются!» Я было поднажать хотел, так меня ее телохранительница, как кутенка, из номера вышвырнула.

– У Серебровой телохранительница? – удивилась я. – Зачем ей? Ну, с Глахой все понятно! Если ее не охранять, то фанаты ее на кусочки разорвут. Но Сереброва? Неужели она думает, что на нее кто-то покусится? Или на ней бриллиантов навешано, как на новогодней елке игрушек?

– Ах, Таня! – вздохнул Светлов. – Да вы в смысл слов вслу-

шайтесь! Тело-хранительница! То есть та, кто охраняет тело! Да и камешки ее тоже без присмотра оставлять нельзя! Любит Тома эти цацки, но и толк в них знает.

– Ну и что? – непонимающе воскликнула я.

– А то, что Дима, муж Серебровой, который ее, между прочим, на двадцать лет моложе, при ней с аккомпаниаторов начинал. А потом подсуетился и просквозил через постель к ней в мужья и продюсеры, совмещая еще и должность телохранителя. Он бы, конечно, сам с ней приехал, да с аппендицитом свалился. Вот он и нанял для Тома охрану.

– А поскольку свое теплое место никому уступать не собирается, то побоялся, что какой-нибудь мужик помоложе тоже может подсуетиться и вытеснит его? – догадалась я.

– Правильно! – одобрительно сказал Светлов. – А Вероника эта любому мужику сто очков вперед даст и обгонит. Деньги получает немалые, но отрабатывает их полностью! Ее частенько наши олигархи нанимают, когда нужно на партнера впечатление произвести. А что? Она и красива, и умна, и языки знает, но свой держит за зубами! А главное, дерется так, что любо-дорого посмотреть!

– Так эта Вероника здесь в качестве надсмотрщицы? – уточнила я, решив обязательно получше познакомиться с этой девушкой. – Чтобы Сереброва ни с кем романа не закрутила?

– Серьезного романа! – поправил меня Светлов. – Мелкие грехи в счет не идут!

– Ладно! С этим разобрались! – подвела я итог и спросила:
– А что же было потом?
– Падеж! – кратко ответил Сергеев.
– Не поняла, – насторожилась я.
– А чего тут непонятного? – делано удивился он. – Было
десять человек, трое выбыло естественным путем, а еще двое
– неестественным. В больнице они.
– Опа! – не удержалась я. – И с какими диагнозами?
– У одного – понос, а у второй – рвота, – объяснил он.
– Что наводит на мысль о пищевом отравлении, – задумчиво
сказала я.
– Вот именно! – вздохнув, согласился со мной Дубов. –
А поскольку сейчас по всей стране молочную продукцию не
лежит только ленивый, то подозрение в первую очередь па-
дает именно на йогурты.
– Я за свою продукцию отвечаю целиком и полностью, но
ведь и на газированные напитки могут подумать, – поддер-
жал Дубова Самсонов.
– Да и мои колбасы могут под подозрение попасть, хотя
я предупредил заводом, чтобы он ухо остро дер-
жал, – добавил Сергеев.
– Моими крекерами, печеньем и конфетами отравиться
невозможно, но на чужой роток не накинешь платок, – вдох-
нул Щукин. – Мало ли что болтать начнут?
– Хуже всего мне, – невесело сказал Шишкин. – Ну, с хле-
бом-то все понятно – им отравиться нельзя. Но пирожные!

Это же скоропортящийся продукт! Их, конечно, кладут в холодильники, а они в гостинице... – Он горестно махнул рукой.

– У меня все оборудование нормально работает! – возмутился Тумасян. – И холодильники в номерах в том числе!

– Да они у тебя от старости скоро собственной смертью загнутся! – усмехнулся Шишкин.

– Их постоянно осматривают и чинят, если надо, – разозлился Тумасян. – И вообще, если хотите знать, то главное подозрение падает на мою кухню! Я после первого случая шеф-повара вызвал и... – Он выразительно погрозил кулаком. – А тот клянется и божится, что мы здесь ни при чем!

– Подождите, а что говорят врачи? – спросила я.

– Да заезжал я в больницу! – сказал Дубов. – А мне там сказали, что результаты анализов еще не готовы.

– Ладно, подождем, – сказала я и попросила Светлова: – Давайте поподробнее и с самого начала: что и как было.

– Хорошо! – согласился он. – С самого начала конкурса бессменным лидером был Виктор, но накануне пятого тура у него вдруг началась сильнейшая диарея, и он был снят с конкурса по состоянию здоровья. Кстати, это заболевание бывает и на нервной почве, – заметил Светлов.

– Так называемая медвежья болезнь, – кивнула я и, подумав, сказала: – Может быть, действительно у него нервы сдали?

– Бросьте! – покривился Светлов. – Для того, кто хочет

чего-то добиться в шоу-бизнесе, это непозволительная роскошь! Там надо иметь железные нервы и мертвую хватку! А на мой взгляд, у Виктора было очень сильное желание добиться успеха, и держался он неплохо.

– Значит, тогда из конкурса выбыли сразу два человека. заболевший и занявший последнее место? – уточнила я.

– Нет! – покачал головой Светлов. – Только заболевший. Мы с жюри посоветовались и решили, что так будет справедливо.

– Понятно, – сказала я, а Светлов продолжил:

– После него вперед вышла Марина...

– И совершенно заслуженно! – веско заметил Щукин.

– Да! – согласился Светлов. – Она так проникновенно спела песню Примадонны «Не отрекаются, любя», что даже девушки из зала не могли не отдать ей первое место. Но вот славой насладиться Марина не успела, потому что у нее ночью накануне очередного тура началась такая рвота, что она захрипела. Да так, что ни о каком пении и речи не могло быть!

– И из конкурса опять выбыла только она? – спросила я.

– Да! – подтвердил Светлов.

– А как проходит голосование? – спросила я.

– Видите ли, – объяснил Светлов, – после того как прошел тур, все листки для голосования хранятся у Серебровой, которая оглашает результаты лишь перед началом следующего тура – это более интригующе! Выбывающему дается воз-

возможность спеть свою «лебединую песню», и после этого начинается новый тур. Правда, в последних двух случаях они даже спеть напоследок не смогли.

– Есть ли возможность узнать результат до того, как его официально объявят? – быстро спросила я.

– Только в том случае, если проболтается кто-то из членов жюри, – уверенно ответил Светлов. – Они даже мне ничего не говорят.

– А кандидат на вылет в двух последних турах был один и тот же? – спросила я.

– Нет! – покачал головой Светлов.

– Значит, на данный момент осталось пять участников, – медленно сказала я. – А когда следующий тур?

– Завтра, – ответил Тумасян. – И, если опять случится нечто подобное, то боюсь, что замять этот скандал нам уже не удастся. Мы и с предыдущими едва-едва выкрутились, сославшись на то, что конкурсанты, гуляя по городу, могли съесть что-то некачественное. Но после вышеупомянутого инцидента перестали выпускать их в город. Вдруг случится новое отравление или чего-нибудь еще, нам тогда не оправдаться.

– Скажите, а у вас самих нет никаких предположений по этому поводу? – спросила я.

– Ни малейших! – ответил за всех Тумасян. – Как вы понимаете, мы уже не один день головы ломали над этой проблемой, но... – Он развел руками. – Мы самым тщательным

образом навели о вас справки, и очень уважаемые люди уверенно заявили, что с вами можно иметь дело. Поймите, нам всем не нужен скандал! Нам не нужно, чтобы нас самих...

– И нашу продукцию, – вставил Дубов.

– Склоняли во всех газетах по всем падежам! – гневно закончил Тумасян и, умоляюще прижав руки к груди, попросил: – Помогите нам! Выясните, что происходит! Сейчас любые средства хороши! Делайте все, что сочтете нужным! Кого хотите расспрашивайте! Допрашивайте! Мои люди во всем вам помогут!

– И наши тоже! – многообещающе заявили остальные.

– Хорошо! – согласилась я. – Я берусь за это дело! Мои расценки вам известны?

– Да! – кивнул Сергеев.

– И премиальные в случае удачи! – пообещал Тумасян, подтвердив мое мнение о южанах, что они щедро платят.

– Тогда приготовьте мне одноместный номер в вашей гостинице на одном этаже с конкурсантами, – попросила я.

– Считайте, что он у вас уже есть! – уверенно пообещал Тумасян. – Только вам для удобства, я думаю, больше подойдет двухместный.

– Не откажусь! – согласилась я. – Я сейчас соберусь и приеду, потому что, как я поняла, дело не терпит отлагательств.

Гости поднялись, стали прощаться. Когда все потянулись на выход, у Светлова зазвонил сотовый. Извинившись перед нами, он достал телефон и приложил к уху. Неожиданно он

страшно побледнел.

– Что случилось? – подскочила я к нему.

– Анатолий не говорит, а скрипит, как немазаная телега, и все горло аж багровое! – сквозь стиснутые зубы процедил Светлов.

– Эти один из конкурсантов? – догадалась я. Светлов кивнул. – Тогда немедленно звоните Серебровой и спросите, не лидер ли он по результатам голосования! – приказала я. – Если будет кочевряжиться, дайте трубку мне.

Светлов помотал головой, откашлялся и набрал номер Серебровой. Когда ему ответили, он решительно сказал:

– Тома! Ты уже в курсе, что Анатолий заболел? – Наверное, она сказала ему, что уже знает об этом, потому что он спросил: – А это случайно не он завтра должен был быть объявлен как занявший первое место? – Выслушав ответ, Светлов отключил телефон, зло посмотрел на нас и произнес только одно слово: – Он!

– Значит, кто-то из конкурсантов неведомым нам способом не только узнает имя промежуточного победителя, но и очень оперативно устраняет конкурента как раз накануне тура, – уверенно заявила я и добавила: – Грязное это дело – ваш шоу-бизнес!

– А вы хотели клумбу с розами? – взорвался Светлов. – Да что за ерунда творится?! Сколько конкурсов провел, никогда такого не было! Проклятый город! Проклятый конкурс! – и угрожающе пообещал: – Еще один такой случай, и я вернусь

в Москву! И гори они синим пламенем, эти деньги! Мне репутация дороже!

– Не горячитесь! – попросила я. – Лучше помогите мне разобраться в вашей творческой кухне, где варятся такие дурнопахнущие дела.

– Помогу! – немного остыв, пообещал он.

Мои гости ушли, и я начала собираться. Уложила в отдельную сумку свои «шпионские прибабасы» – рабочее снаряжение сыщика, как их насмешливо называет мой друг Киря – подполковник милиции Владимир Сергеевич Кирьянов. И, между прочим, совершенно зря он издевается, потому что, хотя на них и уходит немалая часть моих гонораров, мне без них порой как без рук.

После снаряжения я занялась уже своей собственной экипировкой: взяла с собой запасной костюм, халат с тапочками, ночную рубашку, ну и косметику, конечно. Я решила ограничиться пока только этим. Ничего, если что-нибудь потребуется, заеду и возьму! Тоже мне проблема!

Выстроенная лет двадцать пять назад по последнему слову тогдашней науки и техники гостиница «Турист» давно уже обветшала и выглядела снаружи крайне непрезентабельно. Припарковав «девятку» на гостевой стоянке, я взяла сумки и пошла в гостиницу.

– Я Иванова, – бросила я при входе охраннику.

– Предупреждены, – коротко ответил тот и пропустил ме-

ня.

Я прошла в холл и огляделась. Да... если здесь и был когда-то комфорт, то весь вышел. Возле стойки регистрации я достала паспорт и протянула его девушке, но та, едва взглянув на фамилию, тут же разулыбалась и сказала:

– Прошу вас! Ваш номер сорок пятый на четвертом этаже.

Поднявшись на дребезжащем от старости лифте, я вышла на небольшую площадку. Лифты и основная лестница были расположены в торце здания, а возле нее, лестницы то есть, в маленькой комнате, находилось место дежурной по этажу. Номера шли по обе стороны уходящего влево полутемного коридора – лампы в нем горели через одну – экономия, наверное!

– Вы Татьяна Александровна Иванова? – услышала я женский голос и, повернувшись, увидела женщину в белом медицинском халате.

– Да, это я. Мне сказали, что для меня оставлен номер сорок пять.

– Снизу предупредили, что вы поднимаетесь, – сообщила женщина, и я поняла, что инструкции на мой счет были уже даны Тумасяном, и притом очень жесткие. – Пойдемте! Я вас провожу.

– Что это за униформа у вас такая странная? – удивленно спросила я по дороге.

– Да хозяин наш где-то купил по дешевке партию таких халатов и раздал нам, чтобы мы все носили, вот и приходит-

ся, – ответила женщина.

– Наверное, чтобы показать, как здесь все чисто и почти стерильно, – хмыкнула я.

Следуя за ней по вытертой ковровой дорожке и вдыхая специфический гостиничный воздух, я торжественно поклялась самой себе, что постараюсь как можно скорее разобраться с этим делом и вернуться домой – неуютно мне здесь было, очень неуютно! Предупредительно распахнув передо мной дверь номера, дежурная вошла вслед за мной и остановилась у порога. Я прошла внутрь, огляделась и удивилась – кровать в комнате была одна.

– А мне сказали, что номер будет двухместный, – заметила я.

– Да мы просто вторую кровать вынесли, чтобы вам удобнее было, и вместо нее поставили два кресла с журнальным столиком – вдруг вам с кем-нибудь поговорить захочется, – объяснила дежурная.

– Еще как захочется! – подтвердила я. – Причем прямо сейчас! Дело в том, что я частный детектив и спонсоры наняли меня разобраться с теми непонятными случаями, которые происходят на конкурсе. – Показав дежурной на одно из кресел, я пригласила: – Присаживайтесь, и давайте побеседуем.

Глаза женщины тут же загорелись от любопытства, но ни тени тревоги или страха в них даже не промелькнуло. Она послушно села, изображая своим видом полнейшую готов-

ность быть мне полезной. «Она здесь ни при чем», – поняла я и, закулив, потребовала:

– Расскажите все, что вы знаете о конкурсантах.

Дежурная немного подумала и начала со времен всемирного потопа, то есть с того момента, как конкурсанты еще только заехали. Я ее прервала и попросила рассказать о первом больном, Викторе, как он был обнаружен.

– Это уже не в мою смену было, – покачала головой дежурная. – То есть я в восемь часов сменилась, и Галина заступила.

– Значит, она будет завтра? – уточнила я.

– Ну да! Мы сутки через трое работаем, – подтвердила дежурная. – Галька-то мне потом и сказала, что Виктор как раз после завтрака вдруг к себе в номер бегом пробежал. Она подумала, что он забыл что-нибудь, – у них же в тот день как раз очередной тур конкурса был, и они сразу после завтрака в театр уезжать должны были. Ну, зашел он в номер и не выходит. А через некоторое время Светлов прибежал и стал к нему стучаться. Кричит, что уже выезжать надо, а Виктор ему не открывает. Ну, Галька горничную позвала, номер они открыли, а бедолага-конкурсант на унитаза сидит и встать не может. Эх, и бушевал этот Светлов, а потом видит, что дело серьезное, «Скорую» вызвал, а та Виктора сразу в больницу забрала.

– А в какую больницу? – уточнила я.

– Так «водников» же! Она у нас тут недалеко. Ребятиш-

ки как из театра вернулись, так пошли его навестить, только их не пустили, сказали, пока точный диагноз не поставят, видеть его нельзя. А Виктор передал через врача, чтобы они его вещи собрали и в больницу принесли, потому что в гостиницу он уже не вернется.

– Скажите, а чем вам запомнилась та смена? – спросила я. – Было ли в те сутки что-то необычное? Ну, там, посторонние на этаже? И вообще, кто из конкурсантов куда ходил? С кем ходил? Шум? Скандал? Одним словом, все, что вы помните.

– Так в том-то и дело, что говорить мне нечего, – развела руками дежурная. – Пришла я, как и положено, к восьми часам. Приняла этаж. Хотя... Чего его принимать? Ни выпивавшихся, ни заехавших – на весь этаж только эти конкурсанты, никого больше сюда не селят, чтобы им не мешать.

– А как расселены конкурсанты? В смысле, кто с кем живет?

– Так поодиночке, каждый в своем номере. – Говорят, это сделали для того, чтобы они могли тихонько репетировать и друг другу не мешать.

– Так что же происходило в те сутки? – повторила я вопрос.

– Да ничего, – пожала дежурная плечами. – К девяти они все на завтрак спустились, а потом до самого вечера сюда и не возвращались – в конференц-зале были.

– А никто из них сюда ни за чем не забегал? – уточнила

я. – А то мало ли что? Вдруг кто-то что-нибудь взять забыл?

– Нет, никто! – уверенно ответила она. – Они и в другие-то дни как утром уходят, так возвращаются только после ужина. Редко кто перед обедом забежит. Но накануне конкурса они до самой ночи внизу торчат – готовятся. Так что в тот день никто не проходил. Я все время здесь была – мне книгу интересную почитать дали, вот я как села в кресло у окна, так и не отрывалась. Только в туалет да перекусить.

– А не могло быть так, что вы зачитались и не заметили? – спросила я.

В ответ она рассмеялась.

– Да я здесь с самого начала работаю. У меня уже и слух, и зрение за это время так натренировались, что я не то что человека, а даже мышь замечу. Никто из них до самого вечера сюда не поднимался, это точно! – уверенно заявила дежурная.

– Поня-я-ятно, – протянула я и спросила: – А ключи от номеров они вам сдают или у себя оставляют?

– У себя, паршивцы, оставляют, – улыбнулась женщина. – Положено, конечно, сдавать, чтобы горничная убраться могла, да у нас запасные есть, – объяснила она.

– Вот видите! – назидательно сказала я. – Вы говорили, что никто не проходил, а горничная?

– Нина-то? – удивилась дежурная. – Так она же здесь работает.

– Но она же здесь была! Заходила в номера, убиралась, –

настаивала я. – Обслуживающий персонал вообще очень трудно заметить, потому что к его виду все привыкли и не обращают внимания. А что собой представляет эта Нина?

– Несчастливая она, – вздохнула дежурная. – Двух девчонок без мужа тащит! А еще у ее матери рак в последней стадии. Она тут недалеко на Валовой живет, так постоянно туда днем бегают, чтобы матери очередной укол сделать – девчонки-то маленькие и сами колоть боятся. Да белье матери поменять – лежачая же она, под себя ходит, а на памперсы денег нет. А в свои выходные три дня Нина тут недалеко на базарчике от хозяина торгует, чтобы денег заработать – зарплата-то у нее копеечная.

– Ну, с ней все понятно, а кто еще здесь бывает? – спросила я.

– Так Антонина Ивановна из ресторана, – ответила дежурная.

– А это кто? Судя по тому, что вы ее по отчеству назвали, она много старше вас, – заметила я.

– Да за шестьдесят ей уже, – покивала дежурная. – Она всю жизнь в общепите проработала и сюда одновременно со мной пришла.

– А что она здесь делала? – спросила я.

– Так она ежедневный паек, как мы его здесь называем, по номерам развозила, – объяснила дежурная.

– Что за паек? – насторожилась я. – Что в него входит?

– Да то, что спонсоры конкурсантам дают, – сказала де-

журная и перечислила: – Две поллитровые бутылочки фруктовой газированной воды, пачка печенья, пачка крекеров и пакетик конфет, литровая упаковка «Виты» – это что-то вроде фруктового кефира, – пояснила она мне так, словно я сама этого не знала, – йогурты... Знаете, ну вот они по четыре штуки разных вместе скрепленные...

– Я поняла, – кивнула я.

– А еще маленькая упаковка хлеба в нарезке и вакуумная упаковка копченых колбас разных. Потом еще коробочка с пирожными: картошка, корзинка и эклер. А чай они у нас в любое время могут взять – нам велели им бесплатно его выдавать. Так что они здесь у нас сыты, едят так, как, наверное, и дома-то не ели.

– И что, все подчистую съедают? – как бы между прочим спросила я.

– Едят, кому что нравится, – не подумав, ответила дежурная и, тут же поняв, к чему я клоню, смутилась.

– Да не бойтесь! – успокоила ее я. – Я никому ничего не скажу! Вы же то, что утром после их ухода остается, себе забираете? Так? Ну и с горничной, наверное, делитесь? Или она с вами?

– Да сами они ей все отдают! – горячо возразила дежурная. – Жалеют они ее! Точнее, они сказали, чтобы она себе все забирала, им же днем все новое привезут, а она потом уже со мной делится. За все три дня, что ее нет, копят, а потом уже она забирает. Себе молочное оставляет – для мате-

ри, ну еще и конфеты с пирожными для дочек, а остальное мне. А у меня двое парней! И зарплата – не великие тысячи! Ну, я своим мужикам, в смысле мальчишкам и мужу, бутербродов наделаю, и идут они кто в школу, кто на работу.

– Скажите, а за все это время ни у вашего мужа, ни у ее дочек, ни у вас самой ничего после этого не было? – осторожно спросила я. – Ну там, тошноты, рвоты, расстройства желудка?

– Это вы в том смысле, что ворованное впрок не пойдет? – горько усмехнулась дежурная. – Так не ворованное это! Говорю же – сами отдают. И ничего никому из нас от этой еды не было!

– Ладно! Проехали! – закрыла я эту тему и спросила: – А что вы насчет Марины слышали?

– А чего тут слышать, когда я все своими глазами видела! – воскликнула дежурная. – Ночью в мою смену все это и случилось! Вышла она из номера своего, аж зеленая как-кая-то, и ко мне. Говорит хрипло так, видно, голос у нее сел: «У вас не найдется какой-нибудь таблетки от желудка, а то плохо мне». Я было в сумку полезла – но-шпа у меня всегда с собой, а она вдруг как с места сорвется – и к себе. Ну, я лекарство достала – и за ней, а она над раковиной стоит, и выворачивает ее так, что смотреть страшно. Отпустило потом, выпила она таблетку, а вода-то обратно пошла. Я ей говорю, что «Скорую» надо, а она отказывается! Говорит: «Скорая» меня в больницу увезет, а у меня конкурс завтра!» Ну,

я слушать ее не стала и Светлову позвонила. Он прибежал, посмотрел на нее и заорал: «Да что же вы едите все подряд, как из голодного края!» Вот он-то «Скорую» и вызвал! И увезли ее в ту же больницу. Вещи родители на следующий день забрали. А теперь вот, говорят, еще и с Анатолием беда приключилась!

– А подробностей вы не знаете? – спросила я.

– Чего нет, того нет, – вздохнула женщина. – Видела только, как он к себе в номер проходил. Сам белый, лицо несчастное, в глазах аж слезы стоят, и за горло держится. Я его спросила: «Ты чего?» – а он только головой помотал, зашел к себе и вышел уже с вещами. Мне потом Надька со второго этажа, где конференц-зал находится, позвонила и сказала, что он тоже заболел, вроде горло перетрудил. Прямо проклятый какой-то конкурс!

– Ну, с этим все ясно, – подытожила я.

Поднявшись, я сняла с двери неременный во всех гостиницах план эвакуации жильцов этажа на случай пожара и вернулась в кресло. Протянув план дежурной, я попросила:

– Напишите мне, кто где живет, а еще ваш домашний номер телефона, чтобы я в случае необходимости могла с вами связаться.

Дежурная написала рядом с номерами имена, которые мне пока ни о чем не говорили, а внизу – свои координаты.

– Как бы мне с Ниной поговорить? – спросила я.

Дежурная посмотрела на часы и сказала:

– Так дома она сейчас, незадолго до вашего прихода убежала, но, как вернется, я ее тут же к вам отправлю.

– Спасибо большое! – поблагодарила я, давая понять, что наш разговор окончен.

Дежурная поднялась и, помявшись, попросила:

– Только вы не говорите никому, что мы... Ну, вы понимаете! А то уволят нас с Ниной, и куда мы тогда пойдем?

– Я же вам обещала, – укоризненно сказала я, и женщина ушла.

Не успела за ней закрыться дверь, как ко мне постучали, и я, удивившись, кто бы это мог быть, крикнула:

– Войдите!

На пороге появился красивый армянин лет сорока, который представился:

– Здравствуйте, Татьяна Александровна. Меня зовут Арам Хачатурович Пашьян. Можно просто Арам. Я здесь работаю начальником службы безопасности, и мне велели во всем вам помогать.

– Очень приятно, Арам Хачатурович, – ответила я, решив, что буду со всеми строго официальной, чтобы не допустить излишней фамильярности – не люблю я ее, и попросила: – Тогда не могли бы вы мне сказать, где я могу найти Антонину Ивановну и поговорить с ней?

– Пойдемте, я вас провожу, – пригласил Арам.

Мы вышли из номера и спустились на второй этаж, где, пройдя через ресторан, вошли в кухню.

– Тоня! Подойди сюда! – позвал Арам.

Неохватная бабища самого базарного вида, на которой просто дико смотрелся белоснежный халат, торопливо подошла к нам и вопросительно уставилась на Пашьяна.

– Ответь Татьяне Александровне на все ее вопросы! – приказал Арам.

– А я что? Я пожалуйста, – ответила Антонина Ивановна и перевела взгляд на меня.

– Скажите, Антонина Ивановна, это ведь вы по номерам конкурсантов паек развозите?

– Ну я, – кивнула она.

– Вопрос у меня к вам несколько неприятный, но... Скажите, а не было ли случаев, чтобы вы в силу каких-то обстоятельств взяли и заменили в этом пайке какие-то продукты на другие?

– Зачем? – удивленно уставилась Антонина Ивановна на меня.

– Ну, предположим, у вас в буфете на каком-нибудь этаже оказались йогурты или еще что-то с просроченным сроком годности. Вот вас и попросили заменить их на свежие из пайка, а конкурсантам отдать...

Закончить она мне не дала. Уперев руки в бока, она гневно уставилась на меня, уже открыла было рот, но, вспомнив о том, что рядом со мной Пашьян, чье присутствие начисто исключало использование в мой адрес ненормативной лексики, шумно выдохнула и сказала:

– Дура ты! Ты что же, решила, что я к этим отравлениям отношение имею? Да мы с мужем всю жизнь на кухне: я здесь, а он – в «Востоке»! Мы с ним четырех детей в люди вывели! Образование дали, квартиры с машинами купили, поженили не хуже, чем другие! А теперь внукам помогаем! Да я на этих отходах трех кабанчиков держу! Ты что же, думаешь, что я таким хлебным местом рисковать буду? Вот дура-то! – повторила Антонина Ивановна и спросила: – Все у тебя? – И, не дожидаясь ответа, пошла обратно к своему столу, где принялась что-то резать, причем коллеги посматривали в ее сторону без особой любви и сочувствия – видно, здесь Антонину Ивановну недолюбливали.

– Ты, Тоня, язык бы попридержала! – запоздало сказал Пашьян, на что та отмахнулась ножом и с сердцем сказала:

– Так обидно же, Хачатурыч! Я здесь с самого начала работаю, и никто обо мне слова плохого не сказал! А тут пришла эта фря и такое ляпнула!

– Извинись! – потребовал он.

– Ну, извините! – нехотя пробурчала Антонина Ивановна и, не удержавшись, добавила: – И все равно глупость это несусветная на меня было подумать! Я своим местом дорожу, и претензий ко мне ни у кого никогда не было!

– Ладно! – сказала я. – Будем считать, что вы здесь ни при чем. Пока, – сделала я ударение на последнем слове и вышла из кухни.

– Вам еще что-нибудь? – спросил Арам Хачатурович.

– Пока ничего, – ответила я.

– Если я вам вдруг понадобится, то звоните в любое время, – сказал он и протянул мне визитку.

Вернувшись в номер, я, сверившись с телефонным мини-справочником, а точнее – с лежащим под стеклом на журнальном столике списком служб гостиницы, позвонила в бар и заказала себе большой кофейник кофе – ну, не могу я без него жить, и ничего с этим не поделать. В баре, узнав, что звонит Иванова из сорок пятого номера, предупредительно спросили, какой именно кофе я предпочитаю.

– Вкусный и крепкий! – ответила я.

В ожидании кофе я начала потихоньку разбирать свою сумку. Бросила тапочки около тумбочки в прихожей, повесила костюм в шкаф, а халат и ночнушку – на крючок в ванной, где выставила на полочку косметику. Потрогав полотенца, я с удивлением обнаружила, что они мягкие и пушистые – да, принимали меня почти по классу люкс. Вернувшись в комнату, я села в кресло, закурила и набрала номер Светлова.

– Господин Светлов? – спросила я, когда он мне ответил. – Вас беспокоит Иванова. Я тут уже устроилась в гостинице в сорок пятом номере, и мне очень нужны документы на оставшихся конкурсантов. Не могли бы вы мне их принести?

Он с готовностью заверил меня, что будет буквально через минуту, потому что живет на пятом этаже, там же, где в

люксах обитают Сереброва и Глаха.

– А вы тоже в люксе? – поинтересовалась я.

– Да! Предоставили вот! – с деланой небрежностью ответил он.

Светлов появился у меня действительно почти тут же и, протянув папку, быстренько ретировался, сославшись на дела. Едва за ним закрылась дверь, как в нее постучали. Молодой симпатичный армянин принес кофе и фрукты.

– Кушайте на здоровье, Таня-джан! – почтительно сказал он, восторженно глядя на меня.

– Спасибо! – поблагодарила я.

Налив себе кофе, который оказался превосходным, я закурила очередную сигарету и начала просматривать документы, чтобы попытаться определить, кто же из этих оставшихся четырех человек: девушка и три парня – планомерно расчищает себе дорогу к победе, не стесняясь в средствах.

Начала я с девушки, которую звали Полина. Оказалось, что родилась-то она в селе Кузьмянино Петровского района, но сейчас учится в сельскохозяйственном институте на агронома. С фотографии на меня смотрела молодая светловолосая девушка, красивая той спокойной русской красотой, которая так редко встречается в наше время и считается немодной и несовременной. «Нет, это вряд ли она! – подумала я. – Во всяком случае, мне бы очень не хотелось, чтобы это оказалась она. А вот интересно, ее тоже кто-то окучивает, как тех четырех, что выбыли из конкурса? И кто же это может

быть? Наверное, Тумасян! Он ведь армянин, и его тянет к светленьким! Ну да не мое это дело!» Выписав себе в органайзер номера телефонов Полины, я открепила фотографию и перешла к следующей партии документов.

Документы эти относились к красивому смуглому брюнету по имени Михаил с наглым, самоуверенным выражением черных глаз. Он явно знал себе цену, только непонятно еще было, как у него с вокалом. «Он что, надеется пробить себе дорогу одними внешними данными? – подумала я. – Или осмелился прибегнуть к более радикальным средствам вроде непонятной мне пока отравы?» Родился Михаил в Покровске, закончил Тарасовское культпросветучилище, но в настоящее время, как я поняла, жил в Тарасове и нигде не работал. «Да, такой способен на все! – невольно подумала я и решила: – Ладно, разберемся!» Выписав его данные, я открепила фотографию Михаила и отложила его документы в сторону.

Третьим был Евгений, настоящий маменькин сынок. Очень симпатичный, светленький, розовенький, с наивным взглядом голубых глаз, он всем своим видом напоминал детскую игрушку. Евгений был уроженцем Тарасова. Закончил в свое время музыкальную школу, а сейчас учился на филологическом факультете госуниверситета.

– Ну, прямо кукленок! – невольно вслух сказала я. – Просто мамина радость и бабушкино утешение! Примерный, послушный, вежливый и скромный, никогда ничего не забыва-

ет и все делает вовремя. Уступает старшим место в транспорте и помогает немощным переходить через дорогу! Пример для подражания, и все тут! Только обычно такие остаются за бортом, куда их вышвыривают типы вроде Михаила. Эти прокладывают себе дорогу, ни на кого не оглядываясь. На филологическом среди девчонок тебе, Женечка, самое место – хоть там кто-нибудь будет смотреть на тебя, как на мужчину.

Выписав его телефоны и отложив фотографию, я перешла к последней подшивке, которая принадлежала Ивану. Взглянув на его фотографию, я покачала головой. Самое простое лицо, только немного хмурое. Спокойный взгляд уверенного в своих силах человека, твердый подбородок, жесткая линия губ, а главное – проявлявшийся в каждой черточке лица настоящий мужской характер. Не хотелось даже думать, что такой человек способен на подлость, но исключать нельзя было никого – внешность ведь бывает ох как обманчива! Просмотрев его бумаги, я увидела, что родился он в Таджикистане. В нашу область его семья переехала в 92-м году, а сейчас живет в селе Беленькие, что на самом берегу Волги недалеко от Тарасова. «Беженцы!» – с сочувствием подумала я и, взглянув на место работы, прочитала, что Иван работает механизатором в агрофирме «Возрождение». Сотового телефона у него не было, как не было телефона и у родителей, а тот, что был указан как контактный, находился в офисе фирмы.

Я отложила фотографию Ивана и, потянувшись, чтобы немного размяться, достала свой сотовый.

– Привет, Володя! Как дела? – спросила я, как только в трубке раздался голос Кириянова.

– И тебе не болеть! – вздохнул Кирия. – А про дела я лучше промолчу, а то столько за сегодняшний день ругался, что даже устал.

– Ругаться устал? – рассмеялась я.

– Вот именно, – опять вздохнул он и тут же спросил: – Что у тебя? Выкладывай свою просьбу!

– А вдруг я тебе просто так, из чисто дружеских чувств позвонила? – спросила я самым искренним тоном.

– Дождешься от тебя, как же! – буркнул Володька и повторил: – Ну, что там у тебя приключилось?

– Да пробить бы мне три номера сотовых на предмет исходящих за последний месяц, – скромно сказала я и добавила: – Да желательно побыстрее!

– А луну с неба не хочешь? – язвительно поинтересовался Кирия. – Я тебе ее могу обеспечить прямо к ужину!

– А что я с ней делать буду? Она несъедобная и мне в работе без надобности!

– Злодейка ты, Танька! – привычно пробурчал Кириянов и спросил: – Что? Очередное дело?

– Оно самое, и такое непонятное, что пока не знаю, с какого бока к нему приступать! – честно ответила я.

– Ничего! Выкрутишься! Тебе не впервой! – небрежно

бросил он и уже другим тоном сказал: – Диктуй номера, горе мое! Но учти, что быстро не обещаю! Хотя?.. Ладно! Не буду загадывать!

Продиктовав ему три номера, я голосом лисы Алисы начала подлизываться:

– Володечка! Ты уж постарайся, чтобы побыстрее! А то у меня тут может еще одна жертва образоваться!

– И вечно ты во что-нибудь впутаешься! – рявкнул Кирыанов, но, посопев, остыл и пообещал: – Постараюсь!

Закончив разговор, я положила перед собой рядом четыре фотографии, налила себе кофе и задумалась: кто же так рвется к славе? Но из-за недостатка информации рассуждать на эту тему было бесполезно, тем более что ответа мне эти снимки все равно дать не могли. Я решила обратиться к первоисточнику, то есть к Светлову. Забрав с собой принесенные им бумаги, я положила в карман три крошечных «жучка» – по одному на каждый люкс: Светлову, Серебровой и Глахе, включила на запись аппаратуру и вышла из номера. Чтобы не ждать лифта, в котором того и гляди можно было надолго застрять, я поднялась по лестнице на пятый этаж. Обстановка здесь была несравнимо лучше, чем на четвертом, дорожка в коридоре, во всяком случае, выглядела поновее. Я подошла к дежурной и спросила, в каких номерах живут Светлов, Сереброва и Глаха. Выяснив, что надо, я отправилась первым делом к Светлову.

– Леонид... – Я постучала в его дверь.

– Леонид Ильич, – подсказал он, открывая.

– Так вот, Леонид Ильич. Я просмотрела все документы и составила себе некоторое, но пока весьма поверхностное представление об конкурсантах. Вы же знаете их лучше, видите каждый день, вот и расскажите мне, кто из них что собой представляет. Не возражаете?

– Значит, и я вам на что-то могу сгодиться? – усмехнулся Светлов, забирая документы и впуская меня в комнату.

– Не мне, а нашему общему делу, – поправила я его, усаживаясь в кресло. – Вы ведь тоже хотите, чтобы больше не было никаких неприятных неожиданностей? Или я не права?

– Правы, Таня, – сразу став серьезным, сказал он. – Скандал мне не нужен так же, как и спонсорам.

Он прошел к бару. Пользуясь тем, что Светлов меня не видит, я прикрепила «жучок» под столешницу журнального столика, а Леонид Ильич тем временем достал из бара бутылку коньяка и рюмки.

– Присоединитесь? – спросил он, возвращаясь ко мне и садясь в кресло напротив.

– Нет! – покачала головой я. – Не любительница!

– А вот мне расслабиться не помешает, – заметил он и плеснул себе коньяку. Выпив залпом, он спросил: – С чего прикажете начать?

– Давайте с конкурсантов, – предложила я.

– Тогда начнем, как и положено, с дамы. Полина... – Свет-

лов немного помолчал и продолжил: – Несовременна, и этим все сказано. Голосок очень неплохой, но!.. Поймите, Таня, сейчас, когда продюсеров или просто околэстрадную тусовку осаждают толпы девчонок, готовых абсолютно на все, такой, как она, там делать нечего. На репетиции еще туда-сюда, а на сцене держится скованно, смущается коротких юбок, глубокого декольте и всеобщего внимания. В общем, бесперспективна!

– То есть шансов на победу?..

– Ни малейших! Если, конечно, не произойдет чуда, а я в чудеса, увы, не верю! – развел руками он.

– Полагаю, что именно поэтому она до сих пор и не выбыла, – уверенно сказала я. – Ведь девушки из зала, глядя на нее, не чувствовали к ней той зависти, что к другим.

– Да! – согласился Светлов. – Остальные четыре были куда раскованнее, если не сказать, развязнее! Даже излишне бойкими они были, на мой взгляд!

– Есть ли у кого-нибудь личный интерес к тому, чтобы она заняла первое место? – спросила я.

– Намекаете на Тумасяна? – усмехнулся Светлов и покачал головой. – Нет! Он не из тех, кто гадит, где живет и работает. Да и видел я его шлюшонку, секретаршей у него трудится – та еще дамочка! Она в него мертвой хваткой вцепилась и ни за что не выпустит.

– Елкин с Толстовым? – продолжала допытываться я.

– Да вы что?! – рассмеялся Светлов. – Из них песок сы-

пется, а кроме того, у Елкина молодая жена, певичка из вашего оперетточного театра. А Толстов? – Он только отмахнулся.

– Либерман?

– Ромочка? – изумился Светлов. – Ему-то зачем? У него чудная жена и очаровательные дети! Да и потом, если ему захочется... Ну вы понимаете! Так у него вся консерватория на выбор! И вы думаете, что он после этого свяжется с деревенской девочкой?

– А вы сами? – напрямую спросила я.

– Таня! – укоризненно сказал Светлов. – Поверьте, что у меня в жизни другие интересы. Да и будь я помоложе, это все равно не мой фасончик. Кроме того, иметь в соперниках Ивана просто опасно для жизни! Кстати, вы его видели?

– Только на снимке, – ответила я.

– А вот вживую увидите и поймете, что любому мужчине лучше держаться от Полины подальше.

– Влюблен? – улыбнулась я.

– Не то слово! Надышаться не может! – сказал Светлов. – Он ее как в первый день увидел, так краской залился с ног до головы и аж рот открыл. А теперь ходит за ней, как хвостик за собачкой.

– А она? – поинтересовалась я.

– Тоже к нему неровно дышит, но держит себя строго, – одобрительно сказал Светлов. – Да вы в конференц-зал загляните, когда перерыв у них, и посмотрите, как они там в

креслах, словно два голубка, взявшись за руки, воркуют.

– А ведь живут каждый в отдельном номере, – заметила я.

– Вот и я о том же! – назидательно сказал Леонид Ильич.

– Ну, давайте теперь об Иване, – попросила я. – Раз уж о нем речь зашла.

– Это, я вам скажу, экземпляр! – восхищенно заметил он. – Голосище мощи шалашинской, но!.. Но опять-таки не для эстрады! Та же история, что с Полиной! Скован! Постоянно напряжен, причем не только на сцене, но и на репетициях. Его там преподаватель консерватории активно уговаривает учиться у них, а он ни в какую! Говорит, что работать надо, семье помогать. Я, говорит, и так два года в армии провел, а дома дела не ждут.

– Его можно понять – они же беженцы, – покивала я.

– Да! Я слышал краем уха, что они удрали из Таджикистана в чем мать родила, – сочувственно сказал Светлов. – А у него ведь еще младшие братья с сестрами есть. Так что не до сборов им было, а лишь бы ноги унести.

«Вот и мотивчик вырисовался, – подумала я. – Сам конкурс Ивану до лампы, а вот призовые деньги нужны! Устроились они, наверное, тогда всем кагалом в какой-нибудь халупе, а на ремонт или постройку нового дома денег нет. Да! Мотив убийственный!»

– Скажите, Леонид Ильич, а шансы на победу у Ивана есть? – спросила я.

– Не думаю! Он не эстрадник. – Светлов махнул рукой. –

Да и городские девчонки деревню не жалуют и за него не проголосуют. Хотя в последних он не был ни разу, в серединке держится.

– А жалуют таких, как Михаил! – усмехнулась я.

– О да! Этого такими овациями встречают, что хоть уши затыкай! Держится он раскованно, двигается свободно, заигрывает с залом! Эдакий мачо-победитель! После очередного тура его около выхода такие толпы встречают! – Светлов помотал головой.

– А он? – с интересом спросила я.

– А он автографы раздаст, воздушные поцелуи пошлет – и в автобус.

– То есть никаких личных отношений с поклонницами? – уточнила я.

– Нет! Целыми днями репетирует, старается изо всех сил! Но тут другая история – голоса-то нет! Есть очень небольшой голосишко и не более. Правда, если он попадет в хорошие руки и на него не пожалеют денег, то очередную звездушку из него слепить можно, – пренебрежительно ответил Светлов.

– Он может победить? – спросила я.

Леонид Ильич подумал и сказал:

– Наверное, он и будет первым. Михаил несколько раз такого петуха пускал, что другой на его месте со сцены стремглав убежал бы, а он продолжал петь как ни в чем не бывало. Что вы хотите? Наглость – второе счастье. Да и выдержки

ему не занимать. А с другой стороны, куда сейчас без нее? Затопчут и не заметят!

– Я уже поняла, что этот парень знает, чего хочет в жизни, и пойдет к своей цели напролом, – уверенно сказала я.

– Да, такой ни перед чем не остановится, – согласился со мной Светлов.

– Ну, а последний? Женюрочка? – не выдержала я и улыбнулась.

Светлов рассмеялся.

– А! Вы его тоже так называли? Ну, это настоящий пупсик для домашнего употребления! Но поклонницы, как ни странно, у него тоже водятся, хотя и не в таком количестве, как у Михаила. Но он с ними тоже ни-ни! Смотрит на Тому Сереброву влюбленными глазами и к каждому ее слову прислушивается, как к откровению свыше. А уж когда она его похвалит, расцветает, словно бутон под солнцем.

– Вы хотите сказать, что она с ним?... – изумилась я.

– Да вы что? – обалдел Светлов. – У нее к нему эдакое материнское отношение – детей-то своих у нее нет! Она иногда на репетиции приходит послушать и с ребятами немного занимается, так он из кожи вон лезет, чтобы ей понравиться. А вот если о личных симпатиях говорить, – перешел на шепот он, хотя нас никто не мог слышать, – то это скорее Михаил. Ну, ее можно понять! Это же ее тип мужчины. У нее и первый муж был такой, и Дмитрий. Но Мишка с ней почтительно, как с матроной, и все.

– Думаете, там ничего нет? – недоверчиво спросила я.

– Со свечкой не стоял, но?... – Светлов пожал плечами. – А если что-то и есть, то тогда они очень здорово конспирируются.

– А она могла бы кому-нибудь из этих двоих, Евгению или Михаилу, сказать заранее, кто будет первым? – поинтересовалась я.

– Тома-то? – Светлов изумленно уставился на меня и решительно сказал: – Нет! У нее закалка старая! Она на такое не пойдет!

– Мне бы вашу уверенность! – вздохнула я. – Думаете, что только мужики из-за баб много глупостей делают? Нетушки! Бабы от них не отстают! Тоже стараются! – и спросила: – А что собой представляет Глаха? Репутация у нее скандальнее некуда, но ведь это может быть просто реклама, пиар-акция для привлечения внимания, и все такое прочее.

– Это оторва еще та! – скривился Светлов. – Сережка ее три года назад на улице подобрал. Причем в буквальном смысле слова. Ему припарковаться было негде, и он машину на другой стороне улицы оставил, а когда шел через подземный переход, тут-то ее и услышал, и увидел – она там пела и на гитаре играла. Одна из тех, кто приезжает из глухой провинции Москву покорять.

– Да только в столице таких, как она, большой вагон и маленькая тележка, – заметила я.

– И даже больше, – усмехнулся Светлов. – Вот и оказа-

лась она в подземном переходе. Днем пела, а уж где ночевала, я и не знаю. Ну, поговорил с ней Сергей и решил, что стоит ею заняться. Денег он в нее вбухал немерено, слепил ей биографию новую, стилистов нанял, но не прогадал, – все вернул с лихвой – тот еще жук! Она, конечно, незаменимой себя почувствовала! Начала характер показывать, скандалы ему устраивать. Два раза она от него уйти пыталась, а куда ей деться? Все права на имя «Глаха» у него! Ну, смирилась она вроде...

– Держал ее жестко? – спросила я.

– Еще как жестко! С ним не забалуешь! Но!.. Не удержал! Скандалов она ему больше не закатывала, а вот к наркотикам пристрастилась! Сначала-то она на легких сидела, а потом ей этого мало показалось...

– Героин? – спросила я.

– Он самый! – грустно сказал Светлов. – Эх, знали бы вы, Таня, сколько он талантливых людей загубил!

– Ну, Глаху я, с вашего позволения, к ним относить не буду, – решительно заявила я.

– Да уж! Таланта у нее если и было, то совсем чуть-чуть! – согласился Светлов. – А потом и тот пропал, хотя и говорят, что талант не пропьешь. Когда она из-за болезни этой своей первые гастроли сорвала, Сергей, говорят, врезал ей так, что мало не показалось, и лечиться определил. Да только ненадолго ее хватило, и она опять сорвалась. И опять он ее лечил – денег-то в нее сколько вложено! А вот после третьего раза

он ее в психушку определил, где и методы, и лекарства совсем не те, что в частной клинике. Долго она там пролежала, а теперь вот снова объявилась, и он ее мне подсунил. А куда ему деваться? Имя-то раскрученное! Недоумки от нее балдеют! Ему и остается только грести деньги лопатой, а это он умеет. Он и охрану ей полностью сменил – прежние-то, жалея ее, бывало, наркотики доставали, когда совсем уж худо было. А эти нет! Глаз с нее не спускают!

– Но, как я поняла, хлопот она вам сейчас не доставляет?

– Нет! Тихая, как мышь! Пока! – усмехнулся Светлов. – Но вот надолго ли?

– А от нее утечка информации происходить может? – спросила я.

– Да она вообще ни с кем не встречается. Тут к ней журналисты сначала подкатывались насчет интервью, так Сашка – это старший в охране – их даже на порог не пустил. Она и к телефону-то не подходит, – объяснил мне Светлов.

– Ну что ж, спасибо за помощь! – сказала я, поднимаясь. – Пойду загляну к Серебровой и Глахе. Кстати, они уже в курсе, чем я занимаюсь?

– Это был секрет? – вскинул брови Светлов.

– Ясно! – усмехнулась я. – Значит, уже не секрет!

– Так по тому, как Тумасян велел вас встретить и выполнять все ваши желания, и глухой со слепым поняли бы, что вы не просто так сюда приехали, – начал оправдываться он.

Я махнула рукой:

– Может, это и к лучшему. Слухи разлетятся быстро. Преступник занервничает и может наделать ошибок, а мне это только на руку.

Выйдя от Светлова, я постучала в дверь соседнего люкса, и мне открыла очень эффектная высокая смуглая черноглазая брюнетка лет тридцати пяти с совершенно бесстрастным выражением лица. Она вопросительно взглянула на меня, и я представилась:

– Здравствуйте, Вероника. Я Иванова. Мне нужно поговорить с госпожой Серебровой.

– Тамара Николаевна! Это к вам! – сказала женщина, пропуская меня в номер.

При ближайшем рассмотрении Сереброва оказалась холерной дамой лет пятидесяти, но пластику она себе явно не делала, хотя надо было бы – морщин у нее хватало, как хватало и бриллиантов, причем очень хороших. Она была уже одета для выхода, и я, взглянув на часы, поняла, что подошло время идти в ресторан ужинать.

– Присаживайтесь, – пригласила меня она, царственным жестом указав на кресло, и опустилась в другое сама. Вероника присела на диван с ленивой грацией отдыхающей кошки. – Вероятно, вы тот самый частный детектив, о котором говорил Леня?

– Да! И пришла я к вам с очень неприятным разговором. Но, я надеюсь, вы, выслушав меня, поймете, что дело серьезное, – объяснила я свое появление.

– Говорите! – милостиво разрешила Сереброва.

– Скажите, Тамара Николаевна, вам не приходило в голову, что все эти внезапные заболевания конкурсантов выглядят очень подозрительно? – спросила я.

– Приходило, конечно, – кивнула она. – Голубушка, вы просто не знаете, что собой представляет современный шоу-бизнес! Во времена моей молодости тоже были интриги, сплетни, доносы, но до такого дело не доходило.

– Тогда у меня второй вопрос, только прошу вас выслушать его спокойно и ответить честно.

– У вас есть повод в этом сомневаться? – оскорбленно спросила Тамара Николаевна.

– Нет, и надеюсь, не будет, – торопливо ответила я. – У вас, как у председателя жюри, хранится вся документация, касающаяся прошедшего тура конкурса, и, как мне сказали, в целях поддержания интереса к нему имя победителя и результаты голосования объявляются только перед началом следующего тура.

– Да, это так! – подтвердила она.

– А не может быть, что некто узнает информацию досрочно? – поинтересовалась я, осторожно подбираясь к главному вопросу.

– В этом номере есть сейф! – кратко ответила Сереброва.

– А от вас лично никто не мог узнать информацию? – напрямую спросила я.

Сереброва пошла пятнами, но, с трудом сдержавшись,

спросила:

– Вы подозреваете меня?

– Но ведь вполне может быть, что вы болеете за кого-то из участников конкурса и хотите ему как-то помочь, – сказала я.

– Мне одинаково симпатичны все конкурсанты! – отрезала Сереброва. – Кто-то из них более одарен, кто-то менее, но я не отдаю предпочтения никому.

– А ваши отдельные занятия с Евгением? – настаивала я.

– Когда я бываю на репетициях, а случается это нечасто, то даю советы всем конкурсантам, – подчеркнула Тамара Николаевна. – И не моя вина, если кто-то воспринимает их с большей благодарностью, чем остальные. У вас все? – жестко спросила она.

– Тамара Николаевна, я все равно докопаюсь до истины, и если окажется, что вы сейчас покрывали преступника, то обещаю вам несколько крайне нелицеприятных публикаций в прессе, – почти угрожающе сказала я.

– Мне уже много лет, но до сих пор никто и никогда не смог найти в моей жизни ничего предосудительного, – высокомерно заявила Сереброва. – Уверена, что это не произойдет и впредь! Вероника! Проводите, пожалуйста, Татьяну Александровну.

Женщина, которая все время нашего разговора контролировала каждое мое движение, лишив меня таким образом возможности прикрепить «жучок», поднялась и не сделала

в мою сторону и шага, но видно было, что в случае необходимости она, не раздумывая, бросится на меня, чтобы, как Сергеева, вышвырнуть из номера. Но тут еще неизвестно, чья возьмет, – я свой черный пояс по карате не на рынке купила. Я не стала еще больше обострять отношения, и так донельзя обостренные, поднялась и пошла к двери, а Вероника за мной. Когда я уже была в коридоре, то обернулась к ней и без всякой обиды – чего уж тут обижаться на профессионала? – спросила:

– Карате?

– И это тоже, – спокойно ответила она и закрыла дверь.

«Да! Железная дама эта Сереброва! Да и Вероника ей под стать! – пробормотала я себе под нос. – А может, бросить мне свой частный сыск к еловой бабушке и пойти в бодигардессы? А что? Внешность позволяет, квалификация соответствующая имеется, а языки подучу! – Но, подумав, решила: – Нет, не пойду! Скучно это!»

Я направилась в сторону люкса Глахи.

На мой стук дверь номера открыл внушительных габаритов мужчина лет тридцати с хвостиком, и я очень удивилась, увидев его, – на телохранителя он никак не тянул, просто здоровый мужик, и все.

– Что вам? – неласково спросил мужик.

– Я частный детектив Иванова, – представилась я. – Мне нужно поговорить с Глахой.

– Она отдыхает, – отрезал он, намереваясь закрыть дверь.

– Но мне нужно с ней поговорить! – с нажимом сказала я. – На конкурсе, где она, между прочим, член жюри, черт-те что творится, и это нельзя пускать на самотек! Так что пусть она уж прервет свой отдых и уделит мне немного своего драгоценного времени!

– Нам все равно, что творится на конкурсе, и говорить она с вами не будет, – отрезал охранник и закрыл у меня перед носом дверь.

«Ну и дела! – подумала я. – Два облома подряд! Давненько меня так не прикладывали! Но не драться же мне с ними! Ладно! – со злорадством пообещала я Серебряковой и Глахе. – Не хотите по-хорошему – будет по-плохому! Тебе, барыня, я „жучок“ сегодня же присобачу, когда ты в ресторан пойдешь. А Глахе – завтра, пока она будет в театре. Так просто вы от меня не отделаетесь!»

Быстро спустившись в свой номер, я достала набор отмычек – а куда порой без них? – и бегом вернулась на пятый этаж, где дежурная изумленно посмотрела на меня, недоумевая, чего это я так разбежалась. Пройдя по коридору до конца, я увидела дверь запасного выхода и, отперев замок, притаилась на лестничной площадке. Курить хотелось страшно, но сквозняком сигаретный дым потянуло бы в коридор, и Вероника вполне могла это почувствовать, а мне этого совсем не хотелось. Прождала я минут пять, когда услышала звук открываемой двери.

До меня донеслись голоса.

– Нет! Ну какова нахалка! – возмущалась Сереброва.

– Это ее работа, – спокойно заметила Вероника.

– И все равно никто не давал ей права так со мной разговаривать! – бушевала дама.

– Не судите ее строго, Тамара Николаевна, – попросила телохранительница. – Это ей по молодости кажется, что чем больше напора, тем скорее она получит результат, причем обязательно положительный. Ничего! С годами поумнеет и поймет, что гибкость бывает порой гораздо более полезна, чем грубая нахрапистость.

– Мы с тобой одной крови – ты и я, – насмешливо сказала Сереброва.

– Нет! – спокойно возразила Вероника. – У нас разный вид деятельности, но, как я понимаю, в покое она вас не оставит.

– Опять придет с разговорами? – возмутилась Сереброва.

– Да нет, скорее подслушивающее устройство установит, – будничным тоном сказала Вероника.

– Что?! – воскликнула Сереброва. – Это же называется вторжение в частную жизнь! Это же подсудное дело!

– Не волнуйтесь, Тамара Николаевна, если она это сделает, то я его найду, – успокоила Сереброву телохранительница.

– А я в этом случае на нее в суд подам! – зловеще пообещала дама.

– Думаю, у нее хватит ума со мной не связываться, – уверенно сказала Вероника.

Тут подъехал лифт, и голоса смолкли.

«Не волнуйся! Хватит! – зло подумала я. – Этого удовольствия я тебе не доставлю!» Прикрыв дверь запасного хода, я вернулась на свой этаж и спросила у дежурной, где все. Оказалось, что все тоже ушли в ресторан. У себя в номере я оставила так и не пригодившиеся мне «жучки», а вместо них взяла две крошечные камеры наблюдения, включила запись и установила одну камеру в коридоре – в противоположном от лифта конце, так, чтобы она охватывала все четыре двери ребят. Потом я снова поднялась на пятый этаж. Примерившись, закрепила вторую камеру наблюдения на той же стене. В объектив этой камеры попадали двери Серебровой и Глахи. Тут я услышала шум за дверью Светлова и быстро спряталась на лестнице. Дождавшись, когда Леонид Ильич спустится вниз, я заперла дверь запасного выхода и отправилась в ресторан.

Зал был практически пустой – цены здесь кусались. Я подошла к метрдотелю и спросила:

– Где ужинают конкурсанты?

– И они, и члены жюри едят в банкетном зале, чтобы им никто не мешал, – ответил метрдотель. – Для вас тоже накрыли. Вас проводить?

– Спасибо, я сама найду дорогу, – ответила я.

В банкетном зале за одним столом сидели уже знакомые мне по фотографиям участники конкурса, за вторым устроились отвернувшаяся при моем появлении Сереброва с Ве-

рониной, а за третьим расположился Светлов. Я решила составить ему компанию, а заодно постараться выудить что-нибудь полезное.

– Как успехи? – спросил меня Леонид Ильич, когда я подошла к его столу и села так, чтобы видеть всех остальных.

– Порадовать нечем, – призналась я. – Зато уже успела сцепиться с Серебровой, а вот с Глахой так и не поговорила. Мне ее даже лицезреть не позволили.

– Ничего, – успокоил меня Светлов. – Завтра в театре поговорите. Хотя представления не имею, чем она может быть вам полезна. Или вам просто хочется настоять на своем?

Я ничего не ответила, потому что Леонид Ильич был, конечно же, прав. Он усмехнулся и перевел разговор на другую тему:

– А с Томой вы зря так! Женщина она неплохая. Просто никак не может забыть, что когда-то была гражданской женой одного из членов ЦК партии. Отсюда и замашки.

– И бриллианты оттуда? – насмешливо спросила я.

– Да нет, – серьезно ответил Светлов. – Она всю жизнь как лошадь пахала! Кстати, а вы знаете, что она со своими концертами в Афганистане все до единой части объехала? – Я потрясенно покачала головой. – Вот так! – веско сказал он. – Некоторые жеманные дамочки со скудными голосочками, но непомерными амбициями – не буду называть имен – дальше Кабула и шагу не ступили, а вот она – не побоялась! Так что вы на нее зла не держите! Она свое нынешнее поло-

жение честно заслужила!

– А тот из ЦК? – не удержалась я.

– Так он был вдовец, и сошлись они, когда она уже в зените славы была, так что это не он ее наверх тянул, – объяснил Светлов.

– Но муж на двадцать лет моложе?.. – начала было я, однако Светлов меня прервал.

– А вы разве не заметили, что ей этим никто в глаза не тычет? Других за подобные браки полощут в желтой прессе что ни день, а ее имя ни разу даже не упоминалось. Потому что уважают! А это в наше время и в нашем паскудном мире вещь редкая! Так что не судите, да не судимы будете! Вы сначала добейтесь того, чего она добилась, мужа, своего аккомпаниатора, который раком болел и ее стараниями восемь лет протянул, похороните, а потом уже говорите! – неодобрительно глядя на меня, сказал Леонид Ильич.

Внимательно посмотрев ему в глаза, я поняла, что здорово разозлила его.

– Ладно! – покаянно сказала я. – Извинюсь я перед Тамарой Николаевной!

– И, что самое главное, она вас простит, – улыбнулся Светлов.

Мы занялись едой. Я не забывала наблюдать за столом конкурсантов – видно было, что обстановка там царит невеселая. Михаил, который в натуре ничем не отличался от своей фотографии, вел себя самоуверенно и почти по-хамски,

но только по отношению к Евгению, который старался держаться подальше от него, а вот Ивана с Полиной Михаил не задевал. Те же хоть и не разговаривали, но постоянно переглядывались и улыбались друг другу. В жизни Полина оказалась очень милой девушкой, из тех, что легко смущаются и краснеют, а Иван... Да уж! Ростом под два метра, широченные плечи. Он производил неизгладимое впечатление, а вот лицо его сейчас было приветливым и даже симпатичным, не то что на фотографии.

– Кто же завтра победит? – спросила я Светлова. – Кстати, что там в программе?

– Песни зарубежной эстрады, – ответил он. – Тут прогнозировать трудно. Кстати, если хотите, можете после ужина на их репетиции побывать.

– Спасибо, мне есть чем заняться. Значит, после завтрашнего тура останется три участника...

– Если ничего не произойдет. Господи! – почти простонал Светлов. – Скорей бы закончился этот чертов конкурс! Бюджет мизерный, а уж запросы!.. Я же сначала хотел все нормально сделать. Объездил всех родителей с видеокамерой и интервью взял, чтобы потом можно было прямо в зале показать. Так нет! Дубов, с которым я поговорил, возражать стал. Сказал, что для этого придется экран устанавливать и аппаратуру арендовать, а это расходы, которые не предусмотрены, и денег у оргкомитета на это нет. С телевидением та же история – все рекламой забито, и с меня столько запросили

за трансляцию, что дух перехватило. Я с этим к Дубову даже соваться не стал. Хорошо хоть в выпусках новостей информацию кое-какую дают.

– Без подробностей? – уточнила я.

– К счастью, без, – с откровенным облегчением ответил Светлов. – Но это уже спонсоры постарались, чтобы все было шито-крыто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.